

ОГОНЁК

№ 5 (1546) 27 ЯНВАРЯ 1957

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Вечер У МАРИИ ПАВЛОВНЫ

Н. ПОДРОЛЬСКИЙ

Фото автора.

Когда этот очерк готовился к печати, телеграф принес печальную весть о кончине Марии Павловны Чеховой.

Как будто только вчера поднимался я по скрипучим ступенькам деревянной лестницы Дома Чехова в Ялте, сидел лицом к лицу с Марией Павловной, глядел в ее умные, добрые глаза, слушал ее неповторимую, чеховскую речь. Как будто это было только вчера.

...Комната пронизана светом. Окна в трех стенах, балконная дверь. Балкон не похож на обычный: скорее, это открытая терраса, поднятая на высоту третьего этажа.

Деревья, посаженные еще Антоном Павловичем, за полвека с лишним поднялись выше балкона и заслонили море. Только в проветах между ветвями синюют пятна воды. А было время, когда ничто не скрывало моря и неба от взоров обитателей дома, и весь необозримый горизонт расстилался перед ними.

— Выйдет, бывало, на балкон Антон Павлович,— вспоминает Мария Павловна,— увидит показавшийся из-за мыса пароход и бежит назад к двери: «Мамочка, мамочка, скорее идите сюда! Пароход!». И мы спешим на балкон и смотрим, как из-за горы выходит пароход, плавно разворачивается и пристает к молу. Пароход был событием. Жили мы однообразно, и Антоша всячески старался развлечь мать.

Перед балконом раскинуло свою пышную крону дерево неизвестной мне породы. Какой— постеснялся спросить, чтобы не обнаружить своего невежества, Мария Павловна разглядела на этом дереве массу не то цветов, не то маленьких белых шишечек, и это вызвало у нее радостное восклицание:

— Смотрите, какая прелесть! Марии Павловне в минувшем августе исполнилось девяносто три года, но краски, звуки, вкусовые ощущения—ничто не было утеряно ею. Остроте чувства Марии Павловны, ее вниманию к жизни, любви и интересу ко всем проявлениям жизни могли позавидовать совсем молодые люди.

Ваза с белыми розами редкой красоты стоит на невысоком шкафу. Проходя с балкона в комнату и отдавая дань восхищения розам, Мария Павловна обращается ко мне и говорит: «Знаете, кто мне прислал эти розы? Козловский!»

Иван Семенович Козловский, верный друг чеховского дома, был

в гостях у Марии Павловны накануне.

На письменном столе Марии Павловны стоит фотографический групповой портрет. На нем изображена сама Мария Павловна, а по бокам тот же Козловский и Дмитрий Николаевич Журавлев.

— Замечательно читает Чехова Журавлев,— говорит Мария Павловна.— Мне как будто полагается знать наизусть все, что написал Антон Павлович, а каждый раз, слушая Журавлева, я нахожу для себя что-нибудь новое, неизвестное, раскрытое им...

О чем бы ни шла речь в чеховском доме, мысль невольно возвращается к Антону Павловичу.

Придя к Марии Павловне, я застал у нее мальчика лет 12—13, стриженного ежиком. Мальчик сидел на тахте рядом с креслом Марии Павловны. Мария Павловна держала перед ним раскрытую коробку шоколадных конфет и угощала его:

— Бери, Вова!

Мальчик деликатно берет конфету.

— Бери еще... Это Вова,— представляет мальчика Мария Павловна.— Сын нашего врача.

Когда мальчик уходит, Мария Павловна смотрит ему вслед, а затем говорит:

— Я не хотела при Вове его расхваливать. Но это прекрасный мальчик, умный, любознательный, скромный. Я теперь собираю книги. Хочу составить для него маленькую библиотечку.

И опять— в который раз!— перед глазами возникает живой Чехов. Как любил он одергать друзей книгами! Сколько труда, сил и средств, уже больной, положил он на то, чтобы создать в родном Таганроге хорошую библиотеку!

— Я самая старшая представительница молодого поколения!— говорит о себе Мария Павловна. И столько в этих словах жизненной силы, так естественно и непринужденно звучат эти слова в устах Марии Павловны, так вьются со всем ее обликом, что я не могу удержаться и восклицаю:

— Какая же вы были в молодости, Мария Павловна!

— Какая?— повторяет она и смеется.— Бедная мама все жаловалась: «Наказанье мне с Машей. Хуже мальчишки! То на крышу заберется, то на дерево взлезет. Ну что мне с ней делать? Упадет ведь, убьется!»

Мария Павловна с таким непо-

дражаемым мастерством передает интонации Евгении Яковлевны, что я точно вижу перед собой и перепуганную мать и сорванца-девчонку.

— А что удивительного?— продолжает Мария Павловна.— Сестер у меня не было, а братьев— пятеро.

Так и росла девочка Маша неизменным участником мальчишеских игр и проделок, поверенным всех мальчишеских тайн.

...Маленький аптечный пузырек, заткнутый пробкой и покрытый гофрированным бумажным колпачком. Пузырек пуст, но крепко завязан. На нем значится: «Дух свободомыслия».

Сбоку сигнатурка: «Аптека высших женских курсов Герье. Госпоже М. П. Чеховой. Втирать по 3 раза в день по чайной ложке. ЯД!» На обороте: «Хранить, остерегаться, чтобы не попало кому-либо на глаза».

На курсах Герье училась Мария Павловна по приезде в Москву из Таганрога. Конечно, никакой «аптеки» высших женских курсов Герье в природе не существовало. Все сработано руками брата Марии Павловны, художника Николая Чехова, и живо говорит об атмосфере, царившей на курсах.

Стоило заговорить о Николае Павловиче Чехове, и на столе появляется маленькая круглая картонная коробка без крышки. В нее сыпаны акварельные краски. Тут же сверху лежит палочка черной китайской туши с золотыми письменами. Видно, что и краски и тушь были в деле.

— Это Колыны краски,— говорит Мария Павловна.— А это мне Левитан подарил,— продолжает Мария Павловна и показывает плоский металлический ящичек, покрытый черным лаком. В нем тоже акварельные краски, английские, с сохранившейся фабричной маркой: «Ривз и Сыновья. Лондон».

На стене в комнате Марии Павловны висит репродукция с известной картины Левитана «Осенний день. Сокольники». Это первая из работ Левитана, приобретенная Третьяковым для своей галереи. На картине изображена женщина, задумчиво идущая по аллее.

— Эту даму писал Коля,— говорит Мария Павловна.

Николай Чехов был товарищем Левитана по училищу живописи, ваяния и зодчества, и «Осенний день» не единственная работа, выполненная художниками совместно. Через Николая Левитан

н. п. Чехова. Снимок сделан в октябре 1956 года

познакомился со всей семьей Чеховых и стал близким другом Антона Павловича и Марии Павловны.

Мария Павловна вспоминает последний приезд Левитана в Ялту:

— Он приехал совсем больной. Ходил с трудом, задыхаясь, но поднялся ко мне наверх радостный и все повторял: «Черт возьми, Маша! Я опять в дорогой семье».

...Нескончаем поток людей, стремящихся посетить дом, где великий писатель провел последние годы своей жизни.

Мария Павловна подходит к окну, из которого хорошо видны крыльцо и двор, усыпанный скрипучим гравием, и глядит вниз:

— Что, Елена Филипповна, много еще посетителей?

— Да нет уж, Мария Павловна, последняя экскурсия,— отвечает Елена Филипповна Янова, ее заместитель по Дому Чехова и давний друг.

Всю свою жизнь Мария Павловна посвятила брату. Долгие годы после кончины Антона Павловича были заполнены огромным трудом по сохранению его литературного наследства, изданию его замечательной переписки, увековечению его памяти, поддержанию в неприкосновенности — «как было при Антоше» — его дома в Ялте. В этом она видела свой долг не только перед памятью великого брата, но и перед родной страной, перед всем миром.

В последние годы Мария Павловна уже не проводила экскурсий, и не всем, кто этого хотел, удавалось повидать Марию Павловну и поговорить с ней: это физически было бы невозможно, столько людей стремилось сюда. Но основательница и бессменный директор Дома-музея А. П. Чехова, как и прежде, вникала во все мелочи его жизни.

...Поздняя ночь. Давно уже закрылись за мной двери гостеприимного дома. Я сижу на скамейке приморского парка. В чернильной мгле, окутавшей город и море, ослепительно горят огни теплохода, стоящего у причала. Где-то грохочет лебедка. Я сижу один на скамье. Сажу долго и думаю обо всем, что увидел и услышал в Доме Чехова. Обо всем, что раскрылось в задушевных беседах с Марией Павловной, сестрой и другом великого писателя и человека.